Андреева А. Д. Функциональность семьи в современном транзитивном обществе / А. Д. Андреева // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 258—269. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-258-269.

Andreyeva, A. D. (2017). Functionality of Family in Modern Transitive Society. *Nauchnyy dialog, 6:* 258-269. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-258-269. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 159.9+37.018.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-258-269

Функциональность семьи в современном транзитивном обществе[1]

© **Андреева Алла Дамировна (2017),** orcid.org/0000-0002-1253-8903, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией научных основ детской практической психологии, Психологический институт Российской академии образования (Москва, Россия), alladamirovna@yandex.ru.

Представленный в статье обзор психологических и социологических исследований проблем семьи в современном транзитивном обществе позволяет проанализировать различные факторы, определяющие ее способность к реализации основных социальных функций. Социокультурный анализ современного общества опирается на концепцию М. Мид о типах культуры человеческого общества, определяемых темпом изменений материальных и социальных условий жизни. В рамках данного подхода префигуративный тип социальной культуры рассматривается в качестве доминирующего на рубеже XX—XXI веков. Выделены базовые параметры семейной функциональности, сохраняющие свою актуальность и действенность в новых условиях. Доказывается, что модернизация современной семьи идет в направлении уменьшения ее состава, ослабления детоцентризма, обесценивания опыта родительских практик прежних поколений, ориентации молодых родителей на экспертное мнение интернет-сообщества. К патогенным факторам современной социальной среды отнесены расширение физического пространства жизни, усложнение социальной инфраструктуры, профессиональная занятость взрослых членов семьи, информационная перегруженность человека, появление новой коммуникационной среды и ослабление родительского контроля над этой сферой социального взаимодействия детей. Практическое значение исследования определяется возможностью использовать его результаты в образовательных практиках, при организации семейного консультирования.

Ключевые слова: семья; транзитивность общества; префигуративная культура; традиционализм; модернизация.

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00036.

1. Социокультурная характеристика современного общества

Современный этап развития общества характеризуется коренными преобразованиями во всех сферах человеческой жизнедеятельности, что позволяет квалифицировать его как переходный, или транзитивный. Феномен транзитивности отличает амбивалентность социокультурной среды, переплетение традиционализма и модернизации, что отчетливо проявляется в нормах, ценностях, моделях поведения и образе жизни значительной части населения [Гавров, 2009]. Сложный, противоречивый характер происходящих трансформаций проявляется в перестройке всей системы социальных отношений, в том числе и семейных. Функциональность современной семьи, ее способность решать свои основные социальные задачи, подвергается серьезным испытаниям, обусловленным глобальным изменением типа культуры человеческого общества конца XX — начала XXI столетия.

Исследователи связывают происходящие процессы с бурными, стремительными изменениями во всех сферах жизни — экономической, социальной, технологической, культурной. Так, антрополог и культуролог Маргарет Мид [1983] в зависимости от темпа развития материальной и социальной культуры, меры открытости или замкнутости общественной жизни выделяет постфигуративную, кофигуративную и префигуративную культуру общества. Постфигуративная культура характерна для обществ закрытого типа, в которых на протяжении жизни нескольких поколений не происходит никаких изменений, жизнь детей ничем не отличается от жизни дедов, поэтому модели поведения, выработанные одним поколением, успешно применяются всеми последующими. Жизнь воспринимается как стабильная, ясная и понятная, старшие поколения признаются всегда более опытными и мудрыми, чем молодые. В отличие от этого префигуративная культура — это культура общества, в котором происходят стремительные и глобальные изменения материальных и социальных условий жизни, разрушающие сложившиеся в предшествующих поколениях схемы и модели поведения. И дети, и взрослые оказываются перед необходимостью выработки новых способов действия в совершенно новых обстоятельствах, и дети порой оказываются более адаптированными к этим новым условиям, чем взрослые. Безусловно, многовариантность цивилизационных условий современного общества делает возможным сосуществование всех выделяемых М. Мид типов культуры, однако именно префигуративный тип может рассматриваться как доминирующий тип культуры XXI века. М. Мид датирует наступление эпохи префигуративной культуры 40—60-ми годами XX века, связывая ее с бурным научно-техническим прогрессом и дестабилизацией общественной жизни. Эти же изменения фиксируют

в своих работах и другие исследователи детства XX века, хотя и не используют предложенные М. Мид категории [Бронфенбреннер, 1976; Кон, 2003; Ньюфелд и др., 2012; Postman, 1994].

Для нашей страны эта эпоха наступила несколько позже в связи с длительной закрытостью советского общества и определенной отгороженностью от экономически более развитых стран. Разрушение социалистического общества, распад СССР, вступление страны в рыночные отношения и, соответственно, изменение экономической и правовой основы социальных отношений в обществе, наложившиеся на стремительное развитие современных технологий и процессы глобализации, усилили остроту переживания людьми чувства утраты привычных стереотипов поведения и взаимоотношений. Невозможность использования знакомых моделей поведения вызывает у многих людей недовольство происходящими переменами, создает впечатление ошибочности пути, по которому пошло наше общество. Отсюда и лишенные всякой перспективы призывы «вернуться к истокам», к прежним ценностям и нормам жизни общества.

Рассмотрим более подробно, каким образом переплетаются элементы традиционализма и модернизации в функционировании семьи в современных экономических и социокультурных реалиях.

2. Традиционализм современной семьи

Несмотря на весьма критическую оценку многими исследователями трансформаций современной семьи [Гавров, 2009; Захаров, 2005; Чернова, 2013], мы можем выделить по крайней мере два базовых параметра семейной функциональности, сохраняющих свою актуальность и действенность в сложных условиях общества префигуративной культуры.

Прежде всего к ним относится четко выраженная позиция российского государства, возлагающего на семью основной груз ответственности за воспитание и образование детей. В отличие от этого советское государство, нуждавшееся в колоссальных трудовых ресурсах, предлагало гражданам социальный контракт, согласно которому оно брало на себя существенную часть забот о детях работающих родителей. Была создана и успешно функционировала целостная система общественного воспитания, на попечение которой родители охотно передавали своих детей. Государство, считая воспитание и образование своей важной политической, экономической, идеологической задачей, брало на себя всю полноту ответственности за подготовку подрастающего поколения к будущей самостоятельной жизни. Теперь государство предлагает переход к иной модели взаимодействия с гражданами, основанной на приоритете семейной ответ-

ственности, что закреплено в статье 44 ныне действующего Закона РФ об образовании. Меняется вся архитектура социальной и семейной политики государства, поскольку в результате технологического прогресса и особенностей развития российской экономики исчезла необходимость в огромных людских производственных ресурсах. Какую-то часть граждан, в первую очередь женщин, оно стремится перенаправить в другие социально значимые сферы, например, в семью. Если прежде государство активно поддерживало «работающую мать», то сегодня оно оказывает помощь только «матери». Предполагается, что значительные монетарные поддержки, такие как материнский капитал, повысят социальную привлекательность материнства, будут стимулировать женщин к рождению не только первого, но и последующих детей, решая тем самым демографическую проблему и делая материнство социально одобряемой сферой самореализации женщин.

Эта установка современного российского государства опирается на такой важный фактор традиционализма как сохранение *ценности семьи* среди важнейших жизненных ценностей человека.

Так, проведенное нами исследование социальных представлений родителей об ответственности за воспитание детей [Андреева, 2016б] показало, что семья по-прежнему рассматривается ими как общность, в которой царят любовь, дружба, счастье, взаимопонимание, где дети и родители заботливы и ответственны, во всем поддерживают друг друга и вместе проводят досуг. В семье надежно, тепло и уютно, к этому образу вполне приложима пословица «Мой дом — моя крепость». Ядро социального представления о семье, в которое вошли такие понятия, как «поддержка», «дружба», «забота», «любовь», «дети», ассоциируется исключительно с положительными эмоциями. Понятия, образующие периферические зоны представления, также характеризуются преобладанием позитивного эмоционального фона, связанного с чувством уверенности и психологического комфорта.

Однако в структуре социального представления о ребенке уже можно увидеть элементы как традиционной, так и новой модели семейных отношений. Ребенок предстает как любимый малыш, не только приносящий радость и счастье, но и являющийся вкладом родителей в собственное будущее. В зависимости от ситуации им гордятся, с ним играют, за него отвечают и переживают. Ядро социального представления о ребенке ассоциируется преимущественно с сильными положительными эмоциями, такими, как любовь, радость, счастье. Понятия, образующие периферические зоны представления, характеризуются преобладанием тревожного фона, связанного с заботами, переживаниями и чувством ответственности за ребенка. Примечательно, что отношение к ребенку как к своего рода

вкладу в будущее семьи вошло не в ядро данного социального представления, но в зону его потенциальных изменений, позволяя рассматривать его в качестве скрытого мотива.

В то же время социальные представления современных родителей о семье и ребенке находятся в парадоксальном противоречии, поскольку понятие «семья» не вошло в содержание социального представления о ребенке. Иными словами, семья сегодня не рассматривается как необходимое условие счастливого родительства, ребенок — это источник счастья и радости, объект любви и заботы, гордости и переживаний. Более того, само представление о родительстве ассоциируется у наших респондентов с собственным детством, а не с их нынешним родительским статусом. Социально-ролевая инфантильность взрослых людей, имеющих детей школьного возраста, для которых роль родителя так и не стала приоритетной, по-видимому, отражает тенденции трансформации современной семьи в контексте так называемого второго демографического перехода [Захаров, 2005]. Структура семьи перестает быть жесткой, детоцентричной, приоритет отдается идее комфортного существования всех ее членов и естественного врастания ребенка в жизнь семьи [Поливанова, 2015; Стрельник, 2015].

3. Процессы модернизации в современной семье

Именно разнообразие форм семейного устройства является важным показателем модернизационных процессов, происходящих в обществе префигуративной культуры. Рассмотрим их более подробно.

Состав семьи. Социальная и экономическая активность и самостоятельность представителей разных поколений в семье привели к практически полному исчезновению расширенных семей, состоявших не только из детей и родителей, но и других близких родственников, готовых принять на себя ответственность за ребенка. Такие семьи обладали значительным воспитательным ресурсом, позволявшим детям выстраивать отношения доверия с несколькими значимыми взрослыми. Анализ образа семьи и родительства у современных матерей [Андреева, 2016а] показал, что, говоря о преимуществах расширенной семьи, они имеют в виду прежде всего помощь со стороны прародителей, а не духовно-нравственные преимущества большой семьи, состоящей из представителей разных поколений. Примечательно и то, что никто из респондентов не упоминает такого аспекта функционирования расширенной семьи, как помощь младших членов семьи старшим.

Все более характерной для современного общества становится малодетная семья, что рассматривается исследователями как результат двух де-

мографических переходов XX столетия, обусловленных именно бурными научно-техническими, экономическими и социальными преобразованиями общества. Они привели к повышению жизненного стандарта, росту уровня жизни населения и, соответственно, требований социума к содержанию и воспитанию детей. Именно с этим социологи связывают первый демографический переход, когда вместе с осознанием ценности детства пришло стремление родителей создать своим детям наилучшие условия для роста, развития и обучения, что крайне затруднительно в многодетной семье. Родители начали рассчитывать свои силы, оценивать, какое количество детей они смогут вырастить без видимого снижения уровня детской жизни. Второй переход вызван уже нежеланием взрослых снижать уровень собственной жизни в пользу рождения и воспитания детей [Захаров, 2005]. Крайней формой доминирования в современной семье гедонистических ценностей стала идеология «childfree», то есть сознательный отказ от родительства в пользу тех жизненных преимуществ, которые имеют люди, не обремененные иждивенцами и соответствующими социальными обязательствами.

Неполная семья или семья, состоящая из прародителей, одинокой матери и ее ребенка, также рассматривается в качестве психологически комфортного варианта родить ребенка «для себя», удовлетворяющего потребность одинокой женщины в материнстве, но отчасти сохраняющего за ней самой статус ребенка.

Опыт старших поколений. Наше исследование [Андреева, 2016а] убедительно показало, что современные родители весьма критично относятся к практикам воспитания, применявшимся в их родительских семьях, нередко оценивая их как ошибочные, репрессивные и подавляющие, не отвечающие демократичному характеру психологической культуры современного общества. Это, на наш взгляд, объясняется не только личным негативным детским опытом, но и значительной демократизацией детско-родительских отношений в обществе префигуративной культуры, сокращением дистанции между детьми и родителями, повышением «родительской толерантности и демократичности». Сближению детей и родителей способствует и развитие инфраструктуры современного досуга, включение в него так называемых «детских опций», создающих безбарьерную среду для родителей с маленькими детьми. Участие малыша в семейном досуге становится комфортным для родителей, они все меньше нуждаются в помощниках и чувствуют себя все более независимыми от старшего поколения.

Стремительно меняющееся общество префигуративной культуры обесценивает родительский опыт старших поколений, делает его малопригодным для передачи собственным детям. В значительной степени этому

способствует характерное для сегодняшних «молодых взрослых» так называемое «отложенное родительство», обусловленное приоритетом профессиональных и бытовых ценностей над семейными традициями. Для старшего поколения увеличивается временной разрыв между собственным родительством и прародительством, то есть между рождением последнего ребенка и появлением первого внука. Это не только приводит к неизбежному разрушению личного опыта ухода за детьми, но и делает очевидными происходящие изменения социокультурного и медицинского стандарта воспитания детей. Прародители находятся на периферии образа семьи современных матерей, рассматриваются только как потенциальные помощники по уходу за детьми, но не как носители необходимых молодым родителям знаний и умений. Молодые матери ищут ответы на возникающие вопросы и проблемы не столько у своих матерей, сколько у обладателей современного опыта их решения, что в полной мере отражает сущность межпоколенческих взаимоотношений общества префигуративной культуры.

Информационное общество как источник опыта. Сегодня молодые семьи оказываются перед практически неконтролируемым потоком самой разнообразной, порой противоречивой информации по вопросам планирования семьи, подготовки к беременности и родам, уходу за детьми, их развитию, воспитанию и обучению. В некоторых случаях подобная информация представляет собой целостную модель родительской практики, как, например, естественное родительство, альфа-родительство, интенсивное родительство. В большинстве своем они являются компиляцией околонаучных и популярных знаний, апеллируют к различным психологическим теориям детского развития, а сторонники и убежденные последователи этих течений позиционируют себя в качестве экспертов, распространяющих и насаждающих идеи «правильного» родительства через многочисленные тренинги и группы в социальных сетях.

4. Современное общество как среда обитания

Не меньшее влияние на функционирование семьи оказывают факторы, обусловленные инфраструктурой жизненного и информационного пространства современного общества.

Расширение физического пространства жизни, рост городов, появление новых мегаполисов многократно увеличивают расстояния, которые ежедневно преодолеваются и съедают время и силы работающих родителей. Другим эффектом современного большого города является обособленность его жителей от других людей, живущих рядом, но практически незнакомых друг с другом [Бронфенбреннер, 1976]. Это

в полной мере относится и к детскому сообществу. Сегодня дети мало гуляют во дворе, сравнительно редко бывают в гостях друг у друга, заменяя личные контакты общением посредством мобильных телефонов и социальных сетей.

Профессиональная занятость взрослых членов семьи. Сегодня семья с двумя работающими родителями стала нормой. Это обусловлено не только экономической необходимостью, связанной с неуклонным ростом стоимости жизни и повышением ее стандартов, но и с глубокими изменениями общественного сознания. Семья патриархального типа с одним сильным кормильцем (отцом) и занимающейся детьми и хозяйством женщиной ушла в прошлое. Для современной женщины работа — это не только источник существования, но и важная сфера профессиональной и личностной самореализации. В нашей стране этому во многом способствовала господствовавшая в советское время гендерная установка государства на социальную роль женщины как на «работающую мать» [Чернова, 2013], сформировавшая позитивный образ независимой, социально активной, занятой общественно полезным трудом женщины в противовес «домашней наседке», живущей в узком мирке своих домашних забот и радостей.

Да и сами дети сегодня проводят дома не так много времени, как прежде. Ребенок, посещающий детский сад, находится в нем практически целый день, возвращаясь домой лишь к ужину и сну. Школьники загружены различными внеурочными и дополнительными занятиями, многие учатся далеко от дома, тратя на дорогу не менее часа в день.

Родители, ориентированные на профессиональную самореализацию и семейную автономию, охотно восприняли педагогический миф о развитии самостоятельности ребенка, отвечающий социальному запросу на рационализацию преждевременного отрыва ребенка от семьи, ослабление родительской ответственности. Соглашаясь с правом ребенка на младенческую зависимость, современные родители считают своей первоочередной задачей развитие его самостоятельности, как только период младенчества закончится. Родителям навязывается страх перед социальной несостоятельностью ребенка, за которым слишком долго ухаживают, не форсируют освоение навыков самостоятельности до тех пор, пока у него самого не возникнет потребность в независимости. Этот педагогический миф противоречит психологической природе становления подлинной независимости и самостоятельности: только когда все потребности зависимости будут удовлетворены, ребенок начнет движение к истинной самостоятельности [Ньюфелд и др., 2012].

Информационная перегруженность современного человека. Развитие современных средств массовой коммуникации привело к чрезвычайной перегруженности людей самой разнообразной информацией, не только необходимой и значимой для учебы или профессиональной деятельности и повседневной жизни, но и совершенно бесполезной. Сенсорные и познавательные возможности человека не в состоянии справиться с информационным потоком, поступающим через прессу, телевидение, радио, интернет, мобильную связь. Избыток сведений, нередко противоречивых, разрозненных или неполных, снижает эффективность человеческой деятельности, затрудняет принятие решений, вызывает состояние хронической неуверенности в правильности своих действий [Еляков, 2005].

Появление новой коммуникационной среды. Стремительный рост новых технологий, в первую очередь — информационных, привел к существенным изменениям одной из важнейших сфер человеческого бытия — коммуникационной. Новая коммуникационная среда современного общества создала свою систему ценностей, выдвинула свои приоритеты, сформировала свои интересы и способы взаимодействия людей [Postman, 1994]. Современный мир — это единое информационное пространство, не имеющее государственных, языковых и поколенческих границ. Новостная и развлекательная видеопродукция (ток-шоу, ТВ-игры, фильмы, компьютерные игры) имеют весьма условную возрастную адресованность, а ее доступность для детей самых разных возрастов практически никак не регулируется и не контролируется. Граница детской и взрослой жизни оказывается размытой, нечеткой, а отношения между детьми и взрослыми утрачивают традиционную статусную регламентированность и соподчиненность.

Новая коммуникационная культура не только размыла границы детского и взрослого миров, но и одновременно позволила детям отгородиться от родительского контроля. Сегодня родители мало знают о том, с кем общаются их дети, каковы их интересы и увлечения. Мобильная связь, социальные сети делают общение детей со сверстниками практически невидимым и неслышимым для взрослых. Между тем проведенное нами [Андреева и др., 2017] исследование показало, что доминирующей формой реализации родительского контроля над практически всеми основными сферами жизнедеятельности детей является доверительный контроль, основанный на информации, сообщаемой самим ребенком. Это, на наш взгляд, свидетельствуют о недостаточном понимании взрослыми глобальных изменений всей сферы социального взаимодействия, связанных с формированием принципиально новой коммуникационной культуры современного общества, охватывающей практически все поко-

ления. Выстраивая отношения со своими детьми, современные родители по-прежнему опираются на модели поведения, присущие обществу постфигуративной культуры, в котором жизнь детей в значительной степени проходила на глазах у взрослых.

5. Выводы

Таким образом, сегодня можно констатировать кардинальное изменение самой социальной ситуации родительства по сравнению с предшествующей эпохой. На протяжении всего XX столетия страны Европы, в том числе и Россия, были активными участниками мегапроцесса, связанного с переходом от архаичных стереотипов семьи к ее современной модели. За исторически очень короткий срок произошло уменьшение количественного состава семьи, разрушение межпоколенческих связей, повышение уровня образования и качества жизни новых поколений. Разрушение устойчивого норматива семьи неизбежно оказывает влияние и на представления людей о структуре, функциях и социальном предназначении семьи и семейных отношений. Родительство как особая, общественно значимая деятельность, опосредствованная культурным опытом, нормами и традициями, имеет своей конечной целью успешную социализацию детей, то есть воспитание у них определенных личностных качеств и форм социального поведения, необходимых и желательных для жизни в данном обществе, в данной культуре [Овчарова, 2006]. Закон РФ «Об образовании», принятый в 2012 году, юридически фиксирует новый регламент отношений семьи и государства в сфере образования и воспитания детей. Именно на семью возлагается основная ответственность за подготовку ребенка к жизни в обществе будущего, в то время как за собой государство оставляет обязательство оказывать помощь родителям в создании условий для благополучного развития и воспитания детей. Продуктивная реализация этого социального контракта невозможна без понимания практиками, работающими в образовании, тех системных изменений, которые претерпевает семья в условиях транзитивности современного общества.

Литература

1. *Андреева А. Д.* Образ семьи и родительства у современных матерей : кросскультурное исследование / А. Д. Андреева // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2016а. — Т. 9, № 2. — С. 17—30.

2. *Андреева А. Д.* Родительский контроль в современном обществе : приоритеты и формы реализации / А. Д. Андреева, Е. Е. Данилова // Научный диалог. — 2017. — № 4. — С. 220—232.

3. *Андреева А. Д.* Социальные представления родителей об ответственности за образование детей / А. Д. Андреева // Актуальные вопросы перспективных научных исследований : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 мая 2016 г. — Смоленск : Новаленсо, 2016б. — Ч. 1. — С. 83—99.

4. *Бронфенбреннер У.* Два мира детства : дети в США и СССР / У. Бронфенбреннер. — Москва : Прогресс, 1976. — 168 с.

5. *Гавров С. Н.* Историческое изменение институтов семьи и брака : учебное пособие / С. Н. Гавров. — Москва : МГУДТ. — 2009. — 134 с.

6. *Еляков А. Д.* Информационная перегрузка людей / А. Д. Еляков // Социологические исследования. — 2005. — № 5. — С. 114—121.

7. Захаров С. В. Перспективы рождаемости в России : второй демографический переход / С. В. Захаров // Отечественные записки. — 2005. — № 3. — С. 124—140.

8. *Кон И. С.* Ребенок и общество / И. С. Кон. — Москва : Академия, 2003. — 336 с.

9. *Мид М.* Культура и мир детства / М. Мид. — Москва : Наука, 1983. — 270 с.

10. Ньюфелд Г. Не упускайте своих детей : почему родители должны быть важнее, чем ровесники / Г. Ньюфелд, Г. Матэ. — Москва : Ресурс, 2012. — 384 с.

11. *Овчарова Р. В.* Родительство как психологический феномен : учебное пособие / Р. Овчарова. — Москва : МПСИ, 2006. — 496 с.

12. *Поливанова К. Н.* Современное родительство как предмет исследования / К. Н. Поливанова // Психологическая наука и образование. — 2015. — Т. 7, № 3. — С. 1—11.

13. *Стрельник Е.* «Жизнь по доктору Комаровскому» : конструирование родительства в советах по уходу за детьми / Е. Стрельник // Laboratorium. — 2015. — 7 (2). — С. 83—105.

14. *Чернова Ж. В.* Семья как политический вопрос : государственный проект и практики приватности / Ж. В. Чернова. — Санкт-Петербург : Европейский университет, 2013. — 288 с.

15. *Postman N.* The Disappearance of Childhood / N. Postman. — New York : Vintage Books, 1994. — 192 p.

Functionality of Family in Modern Transitive Society[1]

© Andreyeva Alla Damirovna (2017), orcid.org/0000-0002-1253-8903, PhD in Psychology, Head of Laboratory of Scientific Bases of Children's Practical Psychology, Psychological Institute of Russian Academy of Education (Moscow, Russia), alladamirovna@yandex.ru.

The article presents a review of psychological and sociological studies of the family in modern transitive society that allows to analyze various factors determining its ability to execute major social functions. Socio-cultural analysis of modern society is based on the concept by M. Mead on the types of culture of human society, determined by the pace of change of material and social living conditions. Under this approach the pre-

[1] The article is financially supported by The Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-06-00036.

figurative type of social culture is seen as dominant at the turn of 20th—21st centuries. Basic settings of family functionality are revealed, retaining its relevance and effectiveness in a new environment. It is proved that modernization of the modern family consists in decreasing its composition, weakening of child-centrism, depreciation of the experience of parental practices of previous generations, attitudes of young parents on the expert opinion of the Internet community. The pathogenic factors of the current social environment are the expansion of physical space of life, the complexity of social infrastructure, occupation of adult members of the family, man's information overload, the emergence of new communication environment and weakening of parental control over this area of social interaction of children. Practical value of research is determined by the possibility to use its results in educational practices and organization of family consultation.

Key words: family; transitivity of society; prefigurative culture; traditionalism; modernization.

References

Andreeva, A. D. 2016. Obraz semyi i roditelstva u sovremennykh materey: kross-kulturnoye issledovaniye. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya, 9/2:* 17—30. (In Russ.).

Andreeva, A. D. 2016. Sotsialnyye predstavleniya roditeley ob otvetstvennosti za obrazovaniye detey. In: *Aktualnyye voprosy perspektivnykh nauchnykh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 31 maya 2016 g*. Smolensk : Novalenso. 1. (In Russ.).

Andreyeva, A. D., Danilova, E. E. 2017. Roditelskiy kontrol v sovremennom obshchestve: prioritety i formy realizatsii [Parental Control in Modern Society: Priorities and Forms of Implementation]. *Nauchnyy dialog, 4:* 220—232. (In Russ.).

Bronfenbrenner, U. 1976. *Dva mira detstva: deti v SShA i SSSR*. Moskva: Progress. (In Russ.).

Chernova, Zh. V. 2013. *Semyya kak politicheskiy vopros: gosudarstvennyy proekt i praktiki privatnosti*. Sankt-Peterburg: Evropeyskiy universitet. (In Russ.).

Elyakov, A. D. 2005. Informatsionnaya peregruzka lyudey. *Sotsiologicheskiye issledovaniya, 5*: 114—121. (In Russ.).

Gavrov, S. N. 2009. Istoricheskoye izmeneniye institutov semyi i braka: uchebnoye posobiye. Moskva: MGUDT. (In Russ.).

Kon, I. S. 2003. *Rebenok i obshchestvo.* Moskva: Akademiya. (In Russ.).

Mid, M. 1983. *Kultura i mir detstva*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Nyyufeld, G., Mate, G. 2012. *Ne upuskayte svoikh detey: pochemu roditeli dolzhny byt' vazhneye, chem rovesniki.* Moskva: Resurs. (In Russ.).

Ovcharova, R. V. 2006. *Roditelstvo kak psikhologicheskiy fenomen:* uchebnoye posobiye. Moskva: MPSI. (In Russ.).

Polivanova, K. N. 2015. Sovremennoye roditelstvo kak predmet issledovaniya. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye, 7/3*: 1—11. (In Russ.).

Postman, N. 1994. *The Disappearance of Childhood*. New York: Vintage Books.

Strelnik, E. 2015. «Zhizn' po doktoru Komarovskomu»: konstruirovaniye roditelstva v sovetakh po ukhodu za detmi. *Laboratorium, 7/2:* 83—105. (In Russ.).

Zakharov, S. V. 2005. Perspektivy rozhdaemosti v Rossii: vtoroy demograficheskiy perekhod. *Otechestvennyye zapiski, 3:* 124—140. (In Russ.).